

3. ГИППИУС**

Черные тетради (1917–1919) (Дневники, воспоминания)

<Фрагменты>

<1917>

Игра ведется до такой степени в руку Германии, и так стройно и совершенно, что, по логике, приходится признавать и агентуру Ленина. О Троцком — ни у кого нет сомнений, тут и логика, и психология. Но Ленин, психологически, мог бы и не быть. А вот логика... Интересы Германии нельзя защищать ярче и последовательнее, чем это делают большевицкие правители.

<...>

* Совет труда и обороны. — *Ред.*

** *Зинаида Николаевна Гиппиус* (по мужу — Мережковская; 1869–1945) — русская поэтесса, прозаик, драматург, литературный критик. Одна из видных представительниц Серебряного века. Составляла с Д. С. Мережковским один из самых оригинальных и творчески продуктивных супружеских союзов в истории литературы, считается идеологом русского символизма.

Идиотское «покушение» на Ленина (в глубоком тумане, будто бы, стреляли в его автомобиль, если не шина лопнула), заставило «Правду» изрыгать угрозы уже нечеловеческие. Обещают «снести сотни голов» и объявляют, что «не остановятся перед ЗВЕРСТВОМ*». Третьего дня разгромили редакцию «Воли Народа» (эсеры), арестовали Пит. Сорокина, Аргунова, Гуковского и еще кучу сотрудников, даже Пришвина! Вчера разгромили редакцию «Дня» (с.-д. меньшевиков), арестовали Заславского, еще кого-то, Кливанского при аресте ранили. Разгромили солдатскую газету «Серая шинель».

<...>

КАЖДЫЙ ЛИШНИЙ ДЕНЬ ИМЕННО БОЛЬШЕВИЦКОЙ ВЛАСТИ —
ЛИШНИЙ ГОД ПОЗОРА РОССИИ

<...>

Говорил уже Чернов** (не сомневаюсь в отвратной демагогичности его речи), говорили Дыбенки-Крыленки и этот Иуда — Штейнберг. А Ленин будто бы сидит там в своей «царской» ложе, вид именинника и весь в цветах. Что ему! Велит матросам разогнать в нужный момент... Запасливо согнали в залу матросов со всего Кронштадта.

<...>

С каждым днем яснее, неоспоримее: НЕ РЕВОЛЮЦИЯ У НАС,
А ТА ЖЕ ВОЙНА.

<...>

9 февраля, пятница

Германцы благополучно продвигаются. Будто бы ответили (передаю, впрочем, как сомнительный слух, не верю этим «перехваченным радио»), что «мир будут заключать в Петрограде». Однако Ленин до того обалдел, что предложил выселить из Петербурга в 24 часа всех женщин и детей. Замяли; сами видят, что не в себе человек.

<...>

Ленин непреклонен в требовании — по его собственному выражению — «позорного» мира. «Условий его мы все равно выполнять не будем», утешает он далее (а немцы что же, дураки? Позволят?) и нисколько не боится неистовой внутренней ругани, которая у них поднялась. Объявил, что если не будет позорного

* Везде выделено З. Гиппиус.

** Речь о заседании Учредительного собрания: «У<кредительное>
С<обрание> постановило: О мире... О земле... О воле... и повелевает...»

мира, то он, Ленин, «уйдет в массы» (кажется, подразумевается Преображенский полк) и с этими «массами» явится свергать несогласных большевиков. Их, однако, не очень много, главный какой-то Бурханов (?), а больше левые эсеры гомозятся. (На что же они знаменитую телеграмму-то посылали?)

<...>

Левые лакеи* капризничают, взъелись на Ленина: «мелкобуржуазный, а не социалистический премьер».

<...>

15 февраля, четверг

Послы уехали. А большевики со своей эвакуацией решили ждать. Уверяют, что нет наступления. (А Ленин-то, на всякий случай, уехал.)

<...>

Мы в каменном мешке. Уехать в Москву? Но туда уже почти не пускают. И надолго ли эта сравнительная «свобода» в Москве? Ведь уже туда отправился Ленин...

<...>

Гадкая зараза — это общество соглашателей «Культура и Свобода». Опять там Максим Горький. Он — Суворин при Ленине... пока. Пойдет и дальше. Но уже и теперь — оказывается, Ленин у него был перед отъездом. Дружеская велась беседа...

<...>

Горький продолжает в «Новой Жизни» (ее одну не закрыли) свое худое дело. А в промежутках — за бесценок скупает старинные и фамильные вещи у «гонимых», в буквальном смысле умирающих с голоду.

<...>

Умер Плеханов. Его съела родина. Глядя на его судьбу, хочется повторять соблазнительные слова Пушкина:

Нет правды на земле...

Но нет ее и выше.

Он умирал в Финляндии. Звал друзей, чтобы проститься, но их большевики не пропустили. После октября, когда «революционные» банды 15 раз (sic) вламывались к нему, обыскивали, стаскивали с постели, издеваясь и глумясь, — после этого ужаса внешнего и внутреннего, — он уже не поднимал головы с подуш-

* Левые эсеры. — *Ред.*

ки. У него тогда же пошла кровь горлом, его увезли в больницу, потом в Финляндию.

Его убила Россия, его убили те, кому он, в меру силы, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру: 1) быть честным, 2) культурным, 3) держаться науки и любить ее. Нельзя ему быть — европейцем. Задушат. Еще при царе туда-сюда, но при Ленине — конец.

<...>

Опять я спрашиваю себя: с кем же, с каким правительством будут союзники (сегодня, кажется?) подписывать перемирие? Если все так, то, очевидно, немецкий Ленин пошлет им своего Троцкого? И будет Брестский мир. И союзники признают Либкнехта, как Германия признала Ленина? И, признав Либкнехта, кстати, заодно, признают Ленина? Ибо ведь они же давно в объятиях друг друга.

<...>

Одно мгновение говорили, что союзники потребовали сдачи СПб-га, и большевики раскололись, причем Ленин стоял за сдачу, Зиновьев — против. Но вряд ли это было, ультиматумы подкрепляются силою, а союзники, очевидно, не желают или не могут пойти на Петербург.

<...>

И эту чертовку Розу Люксембург тоже убили. Ее, будто бы, растерзала толпа. Жаль, что нашего К. Радека, кстати, не растерзала. Уж заодно бы!

<...>

Условия? Условия можно и обойти, можно и принять; Ленин, во время сделки с Германией, неустанно требовал принятия немецких условий: «Согласимся! ведь все равно мы их исполнять не будем!» И как сказал, так и сделал: после принятия двух главных условий Германии — разоружение всей армии и никакой пропаганды за чертой — тотчас взбодрил всю Красную Армию и особенно развил пропаганду в Германии.

<...>

И, наконец, вот главное открытие, которое я сделала: ДАВНЫМ-ДАВНО КОНЧИЛАСЬ ВСЯКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. Когда именно — не знаю. Но давно. Наше «сегодня» — это не только ни в какой мере не революция. Это самое обыкновенное КЛАДБИЩЕ.

<...>